

#YOUNG
DETECTIVE

ДЕАННА РЭЙБОРН

Вероника
Спагвени

~ ИНТРИГУЮЩЕЕ НАЧАЛО ~

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Р96

Deanna Raybourn
A CURIOUS BEGINNING

This edition published by arrangement with Berkley,
an imprint of Penguin Publishing Group, a division
of Penguin Random House LLC.

Рэйборн, Деанна .

Р96 Вероника Спидвелл. Интригующее начало : роман / Деанна Рэйборн. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 448 с. — (#YoungDetective).

ISBN 978-5-17-112515-8

Англия, 1887 год. Похоронив обеих тетушек, молодая исследовательница Вероника Спидвелл планирует посвятить свою жизнь науке и путешествиям. Однако, вернувшись с печальной церемонии, она обнаруживает у себя дома взломщика, который к тому же пытается ее похитить! И лишь своевременное вмешательство загадочного немецкого барона избавляет девушку от печальной участи. Ее спаситель уверен, что Веронике грозит опасность, и предлагает уехать с ним в Лондон, пообещав там раскрыть все карты. Но стоит им приехать, как барон оставляет девушку в мастерской своего друга Стокера и исчезает. Наутро Вероника и Стокер узнают из газет, что барон убит, причем полиция подозревает Стокера — у молодого человека на редкость плохая репутация... Вынужденные скрываться, Вероника и Стокер поневоле оказываются втянуты в водоворот событий — как забавных, так и пугающих.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

© Deanna Raybourn
© A CURIOUS BEGINNING
© All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.
© Т. Артюхова, перевод на русский язык, 2018
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-112515-8

Посвящается Пэм, за все

Глава первая

Март 1887 г.

Я смотрела в открытую могилу и мечтала выдавить из себя хоть одну слезинку. Бурные рыдания — это, конечно, проявление невероятно дурного вкуса, но мисс Нелл Харботтл была моим опекуном с самого детства, и пара слезинок стала бы проявлением должного уважения. Викарий пробормотал подобающие молитвы приятным, бархатным голосом, слегка запинаясь на каждом «с». Я впервые заметила эту особенность, и оставалось надеяться, что тетя Нелл не будет этим задела. Она была крайне требовательна в некоторых вещах, и хорошая дикция входила в их число. Со вздохом я положила в карман сухой платок. Смерть тети Нелл не оказалась ни внезапной, ни неожиданной, и наши отношения можно было назвать в лучшем случае чуть теплыми. То, что с ее смертью я окончательно рассталась с детством, не сильно меня беспокоило, когда я стояла на тихом церковном погосте в Литтл-Байфилде. Напротив, я с некоторым смущением ощутила, как во мне растет чувство некой эйфории.

И как будто в ответ на мое настроение подул легкий ветерок, и в нем закружились два бледных крылышка с черными краями и пятнышками. «*Pieris brassicae*», — пробормотала я себе под нос. Капустница

Зерника Спидвелл

обыкновенная, встречается на каждом шагу, но от этого не менее красивая. Она упорхнула на поиски молодой капусты или вкусных настурций, свободная как ветер. Я прекрасно знала, как она себя чувствует. Тетя Нелл была последним обязательством, связывавшим меня с Англией; теперь я стала совершенно свободной и могла идти по миру своим собственным путем.

Викарий завершил молитвы и подал мне знак. Я шагнула вперед и взяла горсть земли, не снимая перчаток. Это была хорошая земля: темная, мягкая, рассыпчатая.

— Какая бессмысленная трата, — пробормотала я. — Для сада она была бы полезней.

«Но это же и есть сад, — вдруг осознала я, обведя взглядом надгробия, выстроившиеся в плотные аккуратные ряды. — Сад мертвых, и его обитатели посажены в землю, чтобы мирно покоем здесь до тех пор, пока труба Господа не призовет их восстать. По крайней мере, так им обещал викарий. Лично мне все это казалось очень сомнительным мероприятием. Вот, например, не будут ли вновь восставшие ужасно грязными?» Стряхнув с себя странные мысли, я шагнула вперед и бросила землю. В глухом стуке о крышку гроба мне послышалась некая завершенность; я отряхнула перчатки.

Кто-то деликатно тронул меня за локоть.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, — сказал викарий, мягко увлекая меня за собой, — мы с миссис Клаттерторп были бы счастливы, если бы вы зашли к нам немного подкрепить свои силы.

Он ласково улыбнулся.

— Знаю, вы не хотели устраивать ничего официального, но, может быть, просто чашечку чая, чтобы согреться? Ветер сегодня свежий.

Интригующее начало

Меня не особенно радовала идея пить чай с викарием и его скучной женой, но согласиться оказалось проще, чем придумать предлог для отказа.

Викарий повел меня через ворота церковной ограды по тропинке, ведущей к массивному и неуклюжему зданию ректории. Викарий говорил не умолкая, его слова журчали, как вода; он явно выполнял какие-то указания, преподанные ему в семинарии, например: «Успокоительные беседы с людьми, только что потерявшими близких». Я улыбнулась ему вежливой полуулыбкой, означавшей, что я слушаю, и вновь погрузилась в свои мысли. Но о чем бы я ни задумывалась, меня все время отвлекало странное чувство, будто за нами наблюдают. Я оглянулась назад и заметила в воротах человека, высокого, с красивой, прямой осанкой, которую джентльмен приобретает благодаря или многим поколениям с аристократическим воспитанием, или усердным наказаниям в лучших школах. В его усах, пышных, длинных и закрученных на концах в элегантные колечки, было что-то иностранное, и даже издавек я заметила тонкие следы старых шрамов, пересекавших его левую щеку. «Значит, немец, — решила я, — или австриец. Такие шрамы могли быть только у тевтонов, ведь именно у них есть кровожадная привычка тыкать друг в друга саблями ради спортивного интереса. Но что за дело могло быть у аристократа с континента, заставившее его рыскать у церковного погоста в такой ничем не примечательной деревушке, как Литтл-Байфилд?»

Я повернулась к викарию, чтобы задать ему этот вопрос, но краем глаза уловила некое движение и поняла, что наш посетитель ускользнул. Я перестала думать о нем и вскоре уже сидела в душной гостиной в доме викария, с чашкой чая и тарелкой сэндвичей. Занятая

Зерника Спидвелл

утомительными сборами вещей в нашем коттедже, я не успела даже подумать о еде в часы, следовавшие за смертью тети Нелл. Я усердно принялась за сэндвичи и пирог; у викария была прекрасная кухарка.

Жена викария слегка приподняла брови, удивляясь моему непомерному аппетиту.

— Я рада, что вы в состоянии немного подкрепить свои силы, мисс Спидвелл.

Я ничего не ответила. Мой рот был занят тортом «Виктория», но даже если б и не был, кажется, в такой ситуации не существовало вежливого ответа. Викарий с женой обменялись многозначительными взглядами; викарий откашлялся.

— Моя дорогая мисс Спидвелл, мы с миссис Клаттерторп, конечно, живо заинтересованы в благополучии всех жителей нашей деревни, а так как вы и ваша тетя переехали сюда относительно недавно, мы готовы предоставить вам любую возможную помощь и поддержку в эти трудные времена.

Я сделала глоток чая, с удовлетворением отметив, что он обжигает горяч и достаточно крепок. Я ненавидела слабость любого рода, и прежде всего — в своем чае. Но то, что викарий подчеркнул наш «недавний» переезд в деревню, задело меня. Тетя Нелл и правда переехала в маленький коттедж в Литтл-Байфилд только после смерти тети Люси, около трех лет назад, но английские деревни вообще живут крайне замкнуто. Неважно, сколько носков она связала для бедняков или сколько монет собрала на ремонт церковной крыши, тетя Нелл всегда была бы здесь новичком, даже если прожила бы среди этих людей полвека. Я ощутила, как во мне зашевелился бунтарский дух, и решила, что теперь, после ухода тети Нелл, нет никакой необходимости его сдерживать.

Интригующее начало

— Она не была моей тетей.

Викарий моргнул.

— Прошу прощения?

— Мисс Нелл Харботтл не была моей тетей. Она так называла себя из соображений удобства, но мы не были родней. Мисс Харботтл и ее сестра, мисс Люси Харботтл, взяли меня к себе и вырастили. Если точнее, я была незаконнорожденной сиротой-подкидышем.

Жена викария выпрямилась на своем стуле.

— Дорогая, вы так открыто говорите о подобных вещах.

— А что, не следует? — спросила я как можно более вежливо. — Нет ничего постыдного в том, что я сирота, и даже в том, что мои родители не были женаты — по крайней мере, ничего, чего бы мне следовало стыдиться. Просто так уж мне привелось родиться, вот и все.

Еще один обмен многозначительными взглядами между викарием и его женой, но я сделала вид, что не заметила этого. Я осознавала, что мои суждения о подобных материях крайне необычны. Пока я росла, мы постоянно переезжали с места на место, и в каждой деревушке, какой бы милой и тихой она ни была, находился тот, кто начинал сплетничать и осуждать. Факт, что моя фамилия отличалась от фамилии моих опекунов, всегда вызывал подозрения, и очень скоро я начинала слышать перешептывания о том, что грехи отцов отражаются на детях, иногда из уст самой тети Нелл. Тетя Люси всегда меня защищала. Ее никогда не покидала теплая привязанность ко мне, но что касается тети Нелл, то ее характер испортился, а нервы расшатались из-за постоянных переездов. Она настоятельно смотрела на то, как я росла, и со временем эта настороженность стала отдаленно напоминать неприязнь. Пока за мной присматривала тетя Люси,

Зерника Спизвелл

тетя Нелл редко осмеливалась облекать свои чувства в слова, но я понимала, что ее просто выводят из себя мое прекрасное душевное состояние и отменное здоровье. Думаю, она сочла бы более правильным, если бы у меня был горб или лицо в рытвинах, что выдавало бы во мне продукт греха. Я понимала: причина ее возмущения в том, что она оказалась отвергнутой, будто носила особую печать, и становилась объектом сплетен у того самого христианского люда, к которому она так страстно желала себя причислить, такого как, к примеру, Клаттерторпы.

— Боюсь, мы не имели удовольствия быть знакомы с сестрой мисс Харботтл, — начал викарий.

Я восприняла это предложение как просьбу рассказать подробнее и быстро проглотила кусок пирога, чтобы ее выполнить.

— Мисс Люси Харботтл умерла около трех лет назад в Кенте... Ой, нет, я ошиблась, — я в задумчивости постучала пальцем по лбу, — это было в Ланкашире, уже после Кента.

— В самом деле? Кажется, вы жили во многих местах, — заметила жена викария, и только по слегка поджатым губам можно было догадаться, что менять дома почти так же часто, как ботинки, не казалось ей при знаком хорошего вкуса.

Я пожала плечами.

— Мои опекуны не любили подолгу жить на одном месте. Мы часто переезжали, и мне посчастливилось пожить почти во всех уголках этой страны.

Ее губы сжались еще сильнее.

— Я не могу этого понять, — решительно произнесла миссис Клаттерторп. — Это неправильно: срывать ребенка с места таким бесцеремонным образом. Нужно обеспечить постоянный дом тому, кого растить.

Интригующее начало

У миссис Клаттерторп не было собственных детей, и она имела склонность к подобным заявлениям. Она также очень любила раздавать указания о том, как детей следует воспитывать, кормить, одевать и обучать грамоте. Ее муж, вероятно, уже научился игнорировать подобные высказывания, но я, будучи относительно новым человеком в деревне, пока еще к этому не привыкла.

Я посмотрела на жену викария так же отстраненно, как могла бы рассматривать раздавленную гусеницу.

— Правда? Я нахожу это довольно обыкновенным и очень полезным делом, — сказала я наконец.

— Полезным? — Викарий в удивлении приподнял брови.

— Я научилась общаться с очень разными людьми при разнообразных обстоятельствах, не нуждаться ни в ком для развлечения и ни от кого не ждать поддержки. Я обрела уверенность в себе и независимость и могу положиться на эти качества в нынешней ситуации.

Его брови вернулись на место.

— Да, вы как раз и подвели нас к самой сути этой беседы, — сказал он с видимым облегчением.

Прежде чем он успел продолжить, жена привычно перебила его.

— Дорогая, вы, без сомнения, сочтете нас излишне навязчивыми, — начала она, наградив меня взглядом, позволяющим мне именно так и поступить, — но нас с викарием крайне беспокоит ваше благополучие.

Я проглотила последний кусок пирога и стряхнула с пальцев крошки.

— Вы действуете из лучших побуждений, миссис Клаттерторп, я в этом не сомневаюсь. Но смею вас уверить: я сама могу прекрасно позаботиться о своем благополучии.

Зерника Спидвелл

Мистер Клаттерторп казался немного обескураженным, но его супругу было не так легко смутить. Она сухо мне улыбнулась.

— Не сомневаюсь, что вы так считаете. Но юные леди, — сказала она с легким ударением на слове «юные», означавшим, что в действительности она подразумевала нечто совсем иное, — не всегда понимают, что для них будет лучше. Вы должны позволить нам руководить вами, отдав должное нашим годам и житейской мудрости.

Я взглянула на мистера Клаттерторпа, но не нашла у него поддержки. Он так внимательно изучал сэндвич с рыбным паштетом, будто это была самая интересная вещь на свете. Я его не виню. Мне кажется, что самым простым путем к спокойной жизни для него была капитуляция перед женой при всякой возможности.

— Как я уже сказала, миссис Клаттерторп, я уже все устроила сама.

Викарий радостно поднял глаза от сэндвича.

— А, так, значит, вы устроены? Ты слышала, Марджори? Нам не нужно больше беспокоиться о мисс Спидвелл, — закончил он, повернувшись к жене с веселой улыбкой.

Она сжала губы.

— Что бы там ни устроила мисс Спидвелл, я уверена, она быстро все отменит, как только узнает о моем разговоре с мистером Бриттеном сегодня утром, — сказала она с удовлетворением.

— Мистер Бриттен — это фермер с крепким хозяйством, очень преуспевающий, — продолжала она. — И с тех пор, как умерла бедная миссис Бриттен, он очень нуждается в жене для себя и матери для своих малышей. Вы станете матерью шестерых!

Интригующее начало

Я наклонила голову и смотрела на жену викария в задумчивости, размышляя над ответом. Наконец я решила сказать правду без всяких прикрас.

— Миссис Клаттерторп, мне сложно представить себе более печальную участь, чем быть матерью шестерых детей. Пожалуй, хуже может быть только чума, да и то, убеждена, несколько безобразных бубонов и вероятная смерть были бы для меня предпочтительнее материнства.

На секунду она стала белой как полотно, затем ее щеки запылали. Викарий вынул платок и закашлялся, но, когда я предложила ему помощь, отказался, добродушно отмахнувшись.

К миссис Клаттерторп вернулось самообладание, но она с такой силой вцепилась в подлокотники своего стула, что под тонкой кожей проступили все костяшки пальцев.

— Я слышала, что вы любите пошутить. Вероятно, вас очень забавляет смущение благовоспитанной публики.

Я всплеснула руками и постаралась придать лицу нужное выражение.

— Нет-нет, что вы, миссис Клаттерторп, я никого не хочу смущать. Это как-то само происходит. У меня есть ужасная привычка: говорить то, что думаю, — а от такого сложно избавиться, так что теперь вы сами видите, что предложение выйти замуж за этого мистера Бриттена совершенно никуда не годится.

— Это не мое предложение никуда не годится, — холодно отчеканила она. — До сих пор я игнорировала слухи, долетавшие до моих ушей, относительно вашего поведения за границей, но раз вы сами настаиваете на честности, давайте поговорим начистоту.